

Маэстро Ровдо

К 100-летию со дня рождения народного артиста СССР и БССР, выдающегося дирижера и педагога

Мне четыре года. Лето. Одно из первых детских воспоминаний. Мы с мамой идем под липами вдоль магазина «Кристалл». И вдруг со стороны Круглой площади (тогда, может быть, она уже называлась площадью Победы) появляется Он. Огромный, солнцеподобный, светлоликий, с копной золотистых волос. Я, оставив маму, со всех ног устремляюсь к нему. Мгновение – и уже у него на руках: «Дядя Витя!!!» Огромное, захлестывающее, ни с чем не сравнимое счастье...

10 ноября 2021 года народному артисту СССР и БССР, лауреату Государственной премии БССР, профессору Виктору Владимировичу Ровдо исполнилось бы 100 лет. Ровно 14 лет не дожил маэстро до этой даты. А мог бы дожить. Время щадило его. Могучий, он в возрасте за 80 звонил в

колокола сморгонской Спасо-Преображенской церкви, отстроенной в значительной мере на его деньги.

Маэстро. Он очень любил это прозвище. Гордился портретом, где минский художник Сергей Солохин изобразил его дирижирующим, в профиль, с чеканной надписью латинскими буквами, как на готических образах: Maestro Rovdo.

– Вот есть маэстро Ровдо. Это великолепная надпись! Я желаю, чтобы каждому художнику присваивали такую кличку, – с улыбкой говорил он.

Но точно знал, что не каждому. Совсем-совсем не каждому. И, кстати, Солохин был единственным художником, кому он согласился позировать, хотя в ту пору выдающихся и народных было много.

Маэстро Виктор Ровдо. 2004 год

Начало

... Будущий народный артист родился не в поле, не в лесу, не в душном отделении больницы, где каждый кирпичик в стене пропитан женскими страданиями. Он родился в домашней церкви.

– После Первой мировой войны, когда отец приехал в Сморгонь, в одной из комнат нашего маленького домика он оборудовал церквушку, – рассказывал маэстро много лет спустя. – Там я и появился на свет.

Отец его Виктор Петрович был священником, настоятелем сморгонского Спасо-Преображенского храма, и служба его продолжалась вплоть до мая 1961 года, когда на церковном празднике в деревне Сукневичи верующие, науськиваемые районными властями, попытались его избить и остричь. 1 июня Спасо-Преображенская церковь была закрыта, и это стало началом беспрецедентного «сморгонского дела», когда вся православная община поднялась на защиту храма, дойдя в своих стараниях даже до Москвы.

Будущий народный артист родился не в поле, не в лесу, не в душном отделении больницы... Он родился в домашней церкви.

Думаю, такая активность верующих в Сморгони отнюдь не случайна. Как пишет в своих заметках гродненский историк Дмитрий Лютик, митрофорный протоиерей Владимир Ровдо очень много беседовал с молодежью, штудировал в районной библиотеке атеистическую литературу. Об этом докладывал уполномоченный по делам РПЦ в Гродненской области С.М. Голубкин.

Смотрю на фотографию начала 1920-х годов, где Владимир Петрович запечатлен вместе с женой Стефанидой Фоминичной и сыновьями. Красивый, статный человек с высоким лбом интеллектуала. Улыбка добродушная, но сдержанная; взгляд внимательный, но не настороженный. Высокая и строгая доброта, а вместе с тем достоинство, с которым он – в прямом и переносном смысле – несет свой крест, свое служение отца в семье и в церковной общине.

И рядом с ним – живая, проворная, миловидная Стефанида Фоминична. Она умерла в том злополучном 1961 году, не в силах пережить беду, обрушившуюся на мужа.

Что чувствовал в тот момент Виктор Владимирович Ровдо? Вот он на фотографии – ему здесь года два или три, пухлый, круглолицый, с ясным и пронзительным взглядом, уверенно облокотившийся на материнские колени.

Семейство Ровдо. 1920-е годы

Он не мог в тот страшный год защитить отца. У него не было никакой административной силы. Ему почти сорок, а он всего лишь второй хормейстер Государственной академической хоровой капеллы БССР. Имя Ширмы ей присвоит в 1978 году, когда Григорий Романович Ширма, за восемь лет до того изгнанный из капеллы, уйдет из жизни. А в 1961 году он – народный артист СССР – еще очень и очень крепко держал руль в своих руках.

Могучий, он в возрасте за 80 звонил в колокола сморгонской Спасо-Преображенской церкви, отстроенной в значительной мере на его деньги.

Два хормейстера – Ширма и Ровдо – познакомились еще в 1930-х годах в Вильне. Виктор Владимирович Ровдо был тогда звонкоголосым мальчишкой-семинаристом, Ширма – учителем пения и организатором хора Белорусского студенческого союза.

То, что Ровдо поступил учиться в Виленскую духовную семинарию, – вполне естественное дело. Так хотел его отец.

– Мы с ним шли домой из церкви, – вспоминал Виктор Владимирович много лет спустя, – и он меня спросил: «Витя, ты хочешь, я тебя отправлю в духовную семинарию?» Я вижу эти шаги – его и мои – и я вижу дом. Я говорю: «Хорошо, папа!»

И началась учеба:

– Там была и физика, и математика, и языки. Девять языков изучали, вплоть до греческого и латинского.

Заботились и о физическом воспитании семинаристов.

– Однажды Виктор Владимирович приоткрыл дверь в наш спортивный зал в тот час, когда я проводил урок, – рассказывает преподаватель физвоспитания, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Белорусской академии музыки Юрий Вашкевич. – Жестом руки показал: мол, не обращайтесь внимания. Темой занятия был волейбол. Маэстро внимательно и терпеливо смотрел на подготовительную часть. Когда началась игра, он произнес: «Люблю это занятие. Мы, учащиеся Вильнюсской духовной семинарии, тоже играли в волейбол».

И, конечно же, музыка, пение, без которого невозможно представить себе церковную службу:

– В семинарии я, по сути, постиг певческие навыки.

Правда, в Вильну я приехал уже дискантом. Меня называли соловьем залетным еще в школе в Сморгони, где я учился два года.

Ах, если бы знали тогда, в какие высокие небеса улетит этот соловей!

Клубок судьбы

Руководство семинарии не позволяло ученикам петь в хоре Ширмы. Но запретный плод сладок!

– Как-то на одном из уроков наш воспитатель Николай Порфирьевич Юзвюк (он под именем епископа Даниила возглавлял Пинскую епархию в конце 1940-х годов) сказал: «В Вильне есть господин Григорий Романович Ширма. У него мужской и смешанный хор, и он приглашает вас для участия в его работе». И мы пришли к нему на квартиру познакомиться с ним. Там мы и работали. Там я впервые познакомился со своей будущей супругой Сонечкой Воеводской, и Григорий Романович Ширма потом часто об этом вспоминал.

Потом – это в 1950-х годах, когда Ровдо и Ширма вновь встретились в Минске. На какое-то время их дороги разошлись. Ширма в 1940 году переехал в Минск и возглавил Белорусский ансамбль песни и танца, из которого впоследствии выросла капелла. Ровдо во время войны оставался в Вильне. Подпольно учился на медицинском

Виктор Ровдо с женой Софьей Воеводской. 1950-е годы

факультете Виленского университета – его мама Стефанида Фоминична мечтала, что три ее сына станут врачами.

– Приходилось зашивать раны, вправлять вывихи и даже поработать гинекологом. Теперь, когда рассказываю студентам о пластике рук, всегда говорю: делайте их такими мягкими, как гинеколог на приеме.

Однажды он чуть не погиб, когда фашисты устроили облаву на подпольных студентов. Спрятался в поддоне ванны для формалина – повезло, не заметили, выжил.

После войны окончил медицинский факультет и параллельно учился в Литовской государственной консерватории.

Его профессором был Кондрат Владиславович Кавяцкас, которого он сам называл патриархом хоровой музыки Литвы. О Кавяцкасе достоверно известно, что в 1929–1933 годах он совершенствовался в Париже, причем дирижирование и теорию композиции изучал в «Схола канторум», игру на органе – в Нормальной школе музыки, а григорианский хорал – в Григорианском институте. Ровдо утверждает, что Кавяцкас учился еще и в Милане.

Однажды он чуть не погиб, когда фашисты устроили облаву на подпольных студентов.

– Я от него тоже много перенял в смысле звукоизвлечения, – признавался он.

Но совершенно понятно, что православная хоровая традиция, к которой принадлежал Ровдо от колыбели до могилы, была Кавяцкасу чужда. А Ровдо продолжал в ней развиваться.

– Я провел в Литовской консерватории шесть лет, хотя она в пятилетнем статусе, – рассказывал он. – Я был наказан за то, что управлял церковным хором, и решением товарищеского суда меня лишили права окончить с первым выпуском. Пришлось дожидаться второго.

Маэстро честно признавался, что не слишком-то аккуратно посещал занятия, кроме хоровых, ведь основные силы он в ту пору отдавал медицине. В 1951 году одновременно с консерваторией он окончил медицинский факультет Вильнюсского государственного университета по специальности «хирург».

«Я в одном лице священник, доктор и артист».

Но в своих музыкально-теоретических познаниях Виктор Ровдо был основателен и даже педантичен.

– Помню, композитор Андрей Мдивани принес Виктору Владимировичу новое сочинение, – рассказывает Евсей Монтволинский, в прошлом ассистент дирижера в хоре Белтелерадиокомпании, долгие годы проработавший под началом маэстро. – Ровдо в своем кабинете стал просматривать и делать замечания: «Тут голосоведение неправильное, параллельные октавы...» – «Но, Виктор Владимирович, у Бетховена в „Афинских развалинах“...» – «О-о-о, Андрюша, скромнее надо, скромнее!»

Евсей Зорахович настаивает, что это не байка, что он сам при этом присутствовал. И правда, в этой истории видна особая учительская прямота и непреклон-

ность Виктора Ровдо, его тонкий и порой загадочный юмор.

В аспирантуру Московской консерватории его пригласил выдающийся хоровой дирижер, организатор и главный хормейстер Государственного хора русской песни (ныне Государственный академический русский хор имени А.В. Свешникова), лауреат Сталинской премии второй степени, профессор Александр Васильевич Свешников. В 1956 году он вторым по счету из советских хоровых дирижеров удостоится звания народного артиста СССР. Первым в 1955 году был Григорий Романович Ширма.

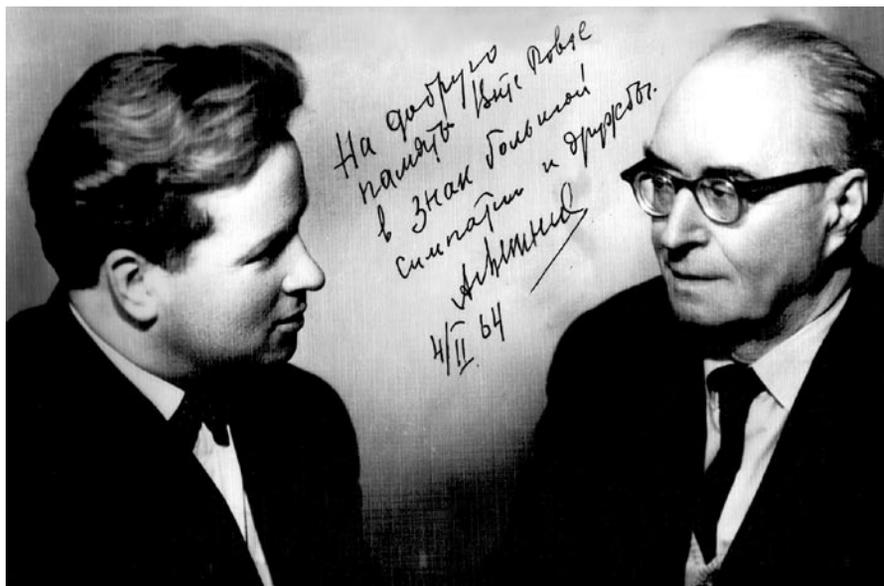
– Шесть лет я был у Свешникова аспирантом, – вспоминал Ровдо в одном из интервью. – Однажды он подарил мне фото, на котором написал: «На добрую память Вите Ровде в знак большой симпатии и дружбы». Всегда показываю его студентам. А при встрече Александр Васильевич называл меня Витенькой... Вот эта дружба – вечная.

А самым счастливым днем в своей жизни Виктор Владимирович называл тот день, когда получил диплом об окончании аспирантуры и диплом кандидата искусствоведения.

– Я в одном лице священник, доктор и артист, – с гордостью говорил он.

Ровдо сам был очарован этим триединством:

– В моей жизни тесно сплелись три ветви, три ниточки, и расплести этот клубок может только человек, который хорошо разбирается в медицине, религии и музыке. Таких пока не нашлось, – сказал он в одном из интервью.

Виктор Ровдо и Александр Свешников. Фото с дарственной надписью. 1964 год

Виктор Ровдо беседует с Патриархом Московским и всея Руси Алексием II и Митрополитом Минским и Слуцким, Патриаршим Экзархом всея Беларуси Филаретом. 2002 год

Рука зовущая

Во время учебы у Свешникова в жизни Ровдо произошло еще одно важное событие, которого он сам не заметил, но его последствия были огромны.

Хор Свешникова в те годы выступал в Загорске (ныне Сергиев Посад), где размещалась Московская духовная семинария. Среди воспитанников этого заведения был юный Кирилл Вахромеев, который четверть века спустя под именем Филарета будет назначен митрополитом Минским и Белорусским, а еще через одиннадцать лет – Патриаршим Экзархом всея Беларуси.

И однажды случилось так, что Свешников не приехал дирижировать хором, а прислал своего аспиранта Виктора Ровдо.

– Я следил за дирижером – молодым, талантливым, энергичным, – вспоминал позднее владыка, – и образ его мне запомнился. И тогда я не думал, что встречу с этим человеком через многие годы. И мы встретились в Минске. Я его узнал не только по его внешнему виду. Я узнал его по рукам. Рукам дирижера. Его рука была очень впечатляющая – живая, говорящая и зовущая.

Как Ровдо в 1956 году оказался в Минске?

Точно так же, как и многие другие выпускники московских и ленинградских вузов, у которых зачастую даже не было белорусских корней.

– Я получил официальное письмо из Министерства культуры Беларуси с предложением занять два поста:

в хоровой капелле, где был худруком Григорий Романович Ширма, и в консерватории, – рассказывал Виктор Владимирович.

В консерватории было просто: он учил студентов тому, чему сам научился у Свешникова, у других видных московских музыкантов, с которыми общался, вел дневники и щедро делился с молодежью этим богатством:

– Там были козырные карты, были и поменьше, и все онигодились в моей жизни.

Труднее было в капелле:

– Придя в хор Григория Романовича Ширмы, я должен был подчиниться его манере работы, но это был контраст необыкновенный.

При всем своем огромном опыте и музыкальном таланте Григорий Романович Ширма был самоучкой. Он окончил двухгодичные педагогические курсы в Свенцянах, затем литературный факультет Седлецкого учительского института. Наверняка его учили основам музыкальной композиции и работе со школьным хором, но профессионального музыкального образования у него не было.

Ровдо же был сложившимся профессионалом со своим музыкальным идеалом и своим представлением о звукоизвлечении. Он готов был работать с музыкальным материалом любой сложности и с жаром взялся за расширение репертуара.

«Капелла исполняла и Баха, и Танеева, и как исполняла! Никогда она так не звучала, как это было при Ров-

до», – рассказывала моя ныне покойная мама Людмила Андреева, в начале 1960-х работавшая концертмейстером и ездившая с коллективом по многочисленным гастроллям.

Гвоздем тех гастрольных поездок была хоровая песня Владимира Оловникова на стихи Петруся Бровки «На Палессі гоман, гоман».

– Это был любимый хит профессора и его коллективов, не раз исполнялся на бис, – вспоминает его ученица, ныне доцент, заведующий кафедрой хорового дирижирования Белорусской академии музыки Инесса Бодяко.

«Я узнал его по рукам. Рукам дирижера. Его рука была очень впечатляющая – живая, говорящая и зовущая».

– Я вспоминаю, с каким несравненным блеском звучала эта песня во времена моего детства, когда Академическая хоровая капелла выступала с летними концертами в городском парке Гродно, – рассказывает художественный руководитель Белорусской государственной филармонии заслуженный артист Республики Беларусь Юрий Гильдюк.

Маэстро любил эту песню еще и потому, что она держала хор в тонузе.

– Скороговорка всегда улучшает дикцию и настроение, – говаривал он.

Его стремление к наставничеству, к определенному рода благотворительности стало проявляться с первых дней пребывания в Минске.

К примеру, Виктор Ровдо вел хор в детской музыкальной школе № 2, о чем рассказывает дочь тогдашнего директора доцент фортепиано в Минском духовном училище Наталья Воротникова. Полагаю, что делал он это бесплатно. А школа находилась на краю города, в Автозаводском поселке. Примечательно, что Василий Николаевич Воротников сам был прекрасным хоровым педагогом, но понимал масштаб личности Ровдо и хотел, чтобы дети напитались его творческой энергией.

Именно в ту пору произошло легендарное событие, показавшее характер Ровдо с яркой и сильной стороны. В марте 1963 года в зале Минского дома офицеров трижды исполнялась Тринадцатая симфония Шостаковича. Случилось это спустя три месяца после ее московской премьеры и ее фактического запрета.

Можно себе представить, сколь сильно рисковал свеженазначенный главный дирижер Государственного академического симфонического оркестра БССР Виталий

Дирижирует профессор Виктор Ровдо. 1989 год

Катаев, который, услышав симфонию в Москве, за одну ночь переписал полный комплект хоровых и оркестровых партий и приступил к репетициям в Минске.

Но рисковал и Виктор Ровдо, участвовавший в этом деле как хормейстер. Значительную часть репетиционной работы взяла на себя тогдашняя руководительница хора Белорусского радио Анна Павловна Зеленкова, но груз ответственности нес на себе именно Ровдо.

Так было и 9 октября 1966 года, когда Тринадцатую симфонию тем же составом повторили уже в стенах новой филармонии.

По легенде, специально собранный им мужской хор состоял в основном из церковных певчих. Если это так, значит, и в эпоху хрущевских гонений Виктор Ровдо ни на минуту не прекращал свою регентскую деятельность.

В эпоху хрущевских гонений Виктор Ровдо ни на минуту не прекращал свою регентскую деятельность.

Говорят, в зале тогда присутствовал Шостакович, и это наверняка не была их первая встреча.

– Мне пришлось очень много встречаться с Дмитрием Дмитриевичем Шостаковичем, – рассказывал Ровдо. – Его последнее творение для хора – «10 хоровых поэм» – великолепное произведение, богатое. Открываешь любую страницу – и видишь картину, что где происходит. Мои студенты – и не только мои – держат его как Библию настолько при работе в классе, да и при исполнении.

Интересно, понимали ли они, что их корни тянутся из одних и тех же мест. Там, на Мядельщине, среди холмов и лесов, вдоль пыльных полевых дорог между Нарочью и Булдуком, и доселе живет много людей с фамилией Ровдо и с фамилией Шостакович.

Генералиссимус хоровых дел

В 1965 году Виктор Ровдо ушел из капеллы и возглавил Академический хор Гостелерадио БССР (ныне хор Белтелерадиокомпании). Это был для маэстро знаменательный момент.

– Когда я уже покинул хоровую капеллу и перешел в хор радио, я сразу ощутил себя хозяином, – рассказывал он много лет спустя.

И первое, что он сделал, – записал звуковую антологию белорусских народных песен, собранных когда-то Григорием Романовичем Ширмой. Это и дань учителю, которого он глубоко почитал, и признание в любви к родной земле, к своему народу.

Всего же с хором Гостелерадио он записал более двух тысяч (!!!) произведений. Цифра непостижимая.

За год до его назначения произошло еще одно знаменательное событие: Виктор Владимирович Ровдо, тогда еще доцент, возглавил кафедру хорового дирижирования Белорусской государственной консерватории. Соответственно, и консерваторский хор был с тех пор в его полном распоряжении.

И он делает гроссмейстерский ход конем – объединяет два коллектива. По крайней мере, на сцене.

Так он становится генералиссимусом, а его хоровая армия – сильнейшей в БССР и количественно, и качественно, оставив далеко позади Академическую хоровую капеллу, которая после его ухода на долгие годы скатилась в глубокий кризис, и даже самые талантливые хормейстеры до прихода Людмилы Ефимовой не могли ее поднять.

Объединенный хор под управлением Виктора Ровдо исполнял сложнейшие произведения: от двойных мотетов Баха до Реквиема Форе и «Симфонии псалмов» Стравинского. Среди самых запоминающихся – «Времена года» Гайдна, «Весна» Рахманинова, оратория Германа Галынина «Девушка и смерть».

И, конечно, белорусская музыка. Непременное участие в композиторских съездах. Запись звуковых дорожек к фильмам-операм «Седая легенда» и «Дрыгва».

Мне очень жаль, что Виктор Владимирович Ровдо никогда не работал в Большом театре БССР. В нем было нечто оперное – патетика, размах, эмоциональное и действенное проживание музыкальной формы.

Мало кто знает, что в 1966 году Виктор Ровдо в качестве хормейстера участвовал в одной из ярчайших тогдашних постановок Русского драматического театра имени Горького. Это была драма Лермонтова «Маскарад» с изумительной музыкой Анатолия Богатырева. Хореографом на этой постановке в первый и единственный раз была легендарная белорусская балерина Бася Кар-

Виктор Ровдо с хором
Белгосконсерватории. 1990-е годы

Народный артист СССР профессор Виктор Ровдо на открытии фестиваля духовной музыки. 2005 год

пилова, в главных ролях Ростислав Янковский, Людмила Былинская, Александра Климова.

Но главная линия судьбы Ровдо пролегла не через театр, а через храм, и всякое место, где он пребывал, становилось свято. При всех сложностях его характера и перипетиях судьбы.

– Виктор Владимирович Ровдо непреднамеренно обидел многих людей, о чем всегда запоздало сожалел, – рассказывает Любовь Константиновна Каспорская, солистка хора Белтелерадио, народная артистка БССР, профессор. – Его темперамент чаще владел им, чем наоборот. Но не раз он совершал поступки, характеризующие его с другой стороны. Однажды он узнал, что у артиста хора тяжело заболела жена, нужны были деньги на лечение. Виктор Владимирович безвозмездно помог. Я – свидетель. Артист этот уже на небесах, а его жена, слава Богу, в порядке. Такова жизнь!

Именно на храм ориентировался маэстро в своих требованиях к звуку.

– Я с детства воспитан на духовном пении, и поэтому мне знакомы акустические особенности храма, – говорит он. – И я веду хоровой коллектив в том направлении, чтобы они звучали, как будто отголосок купола. Мягкое, прикрытое звучание.

Недаром именно Ровдо со своим коллективом в 2002 году осуществил «каноническую» запись национального белорусского гимна. В этом почетном мероприятии, кроме Академического хора Белтелерадиокомпания под управлением народного артиста Беларуси, народного артиста СССР, профессора Виктора Ровдо, поучаствовал также Образцовый оркестр Воору-

женных Сил Республики Беларусь (дирижер – заслуженный артист Республики Беларусь Александр Федоров). Со своей задачей они справились блестяще. Главное – прочувствован стиль, отчеканена каждая нота. Именно благодаря исполнению белорусский гимн приобрел ту мужественную духоподъемную силу, которая покорила сердца белорусов.

Маэстро лично участвовал и в рабочей комиссии по Государственному гимну под председательством вице-премьера Владимира Дражина.

«Его темперамент чаще владел им, чем наоборот».

Ему все время хотелось огромных масштабов, тысячеголосых хоровых праздников, какие он еще застал в советской Прибалтике и на которые его неизменно приглашали.

Так родились детские праздники хоровой песни – в минском Дворце спорта или в филармонии, – на которых Виктор Владимирович, по свидетельству его ученицы Инессы Бодяко, собирал детские коллективы со всей страны.

– Сохранилась видеозапись, – рассказывает Инесса Михайловна, – на которой запечатлен один из самых масштабных хоровых праздников Минска 2000-х годов. В концерте приняли участие ведущие хоровые коллективы столицы. Визитной карточкой праздника стал финал – выступление сводного хора с одной из самых любимых хоровых песен Виктора Владимировича «Летите, голуби, летите».

– Мы спели эту песню три или четыре раза под управлением Виктора Владимировича, – вспоминает участница фестиваля, органистка, лауреат международных конкурсов Екатерина Николаева. – Это одно из самых ярких творческих впечатлений в жизни.

Учитель

Виктор Владимирович Ровдо был наставником не только для своих студентов, но и для всех консерваторцев, и вообще для всей молодежи, которая его окружала.

Маэстро, как никто другой, думал о преемственности поколений, и когда корреспондент «СБ. Беларусь сегодня» Николай Козлович спросил, какой вопрос он хотел бы задать самому себе, ответил без малейших колебаний: «Кто заменит меня, когда придется уйти в Вечную жизнь?» И сам же дал ответ: «Те, которые сейчас стоят за дверью». А это были ученики, томившиеся в ожидании урока.

Учил он не только музыке, но и манерам, и поведению, и нравственности. Сердился, когда студенты входили в консерваторию в шапке.

– Воспитывал, что мужчина должен снимать головной убор, когда заходит в помещение, – вспоминает солист Белорусской государственной филармонии, лауреат международных конкурсов Андрей Сиваков.

Но я слышала от маэстро другое объяснение, что консерватория – это храм, а в шапке в храм входить негоже.

– Дело было в одном из узких коридоров академии, – рассказывает композитор, в то время студентка академии Ксения Вечер-Ковалевская. – Шел 128-й день ремонта, и узкий проход, на мою беду, был наполовину перегорожен столом. Мы с Виктором Владимировичем оказались по разные стороны баррикад. Я пропускаю его: преподаватель, да еще и возраст. Он пропускает меня: девушка, возраст не так уж и важен. Я кое-как протискиваюсь с кипой нот, повернувшись спиной к нему. Мне почему-то казалось, что так будет правильнее. И что вы думаете? Он меня возвращает с просьбой проделать этот путь еще раз, только уже к нему лицом. В коридоре образуется затор, студенты с обеих сторон весело хихикают... Единственная личная встреча – и урок на всю жизнь!

Еще одну удивительную историю на эту же тему рассказала преподаватель Гродненского музыкального колледжа Марина Петухова:

– Когда я была студенткой, пела в хоре у В. Ровдо. Однажды маэстро забыл партитуру, над которой собирался работать. У всех были партии, а у меня партитура, которую я красиво переписала от руки. Ксероксов тогда еще не было. Я предложила Виктору Владимировичу воспользоваться моими нотами, а после занятий он попросил переписать одну партитуру для хора радио. Готовые ноты нужно было принести ему домой в назначенное время. Я так и сделала, но пришла на пять минут раньше указанного времени. Дверь открыла жена профессора, и я услышала его голос: «Я жду ноты в 19.00. А сейчас без пяти минут». Софья Антоновна пустила меня в прихожую, извинилась и попросила подождать. Ровно в 19.00 профессор с улыбкой на лице пригласил меня, поблагодарил за ноты, хотел угостить чаем, но я вежливо отказалась.

«Петь под его руководством было великой радостью и отличной школой музыки».

Марина Марковна признается, что была немного удивлена, но эта пунктуальность маэстро научила ее ценить каждую минуту в жизни.

Мне думается, дело было не только в пунктуальности, но в особой щепетильности, которую Виктор Владимирович хотел привить своим ученикам. Ведь гость, пришедший пусть даже на пять минут раньше, рискует застать хозяина врасплох – непричесанным, в исподнем, с недопитой чашкой кофе на рабочем столе.

Маэстро мечтал о том, чтобы отношения между людьми были столь же отточено прекрасны, как шедевры Бетховена и Баха, как хоровое пение, в котором выверена каждая нота. Он знал, что идеал – как и в музыке – недостижим и что сам он, как и всякий человек, несовершенен. Но этим стремлением к идеалу проникнута вся его жизнь, святая и грешная, и великая с первой до последней ноты.

– Светлая память моему Учителю хорового класса, – говорит Марина Петухова. – Петь под его руководством было великой радостью и отличной школой музыки.

И под этими словами подпишутся все, кто соприкасался с Виктором Владимировичем Ровдо в искусстве и в жизни.

Юлия АНДРЕЕВА

Фото из личного архива автора и БЕЛТА